

Казалось, это был первый раз с тех пор, как я «пришел» в семью Жун, когда Жун Шицин вернулся домой так поздно.

Такое открытие внезапно вызвало у меня удивление.

Мой прежний отец из семьи Гу был настоящим ловеласом, в конце концов превратившимся в ветреного человека, и женщины в его жизни никогда не заканчивались. Хотя он редко приводил их домой, это лишь в сравнении с их общим количеством.

Но за эти почти два месяца я ни разу не видел, чтобы Жун Шицин приближался к какой-либо женщине.

Он всегда вовремя возвращался домой, вовремя отдыхал, и его распорядок дня был буквально отмеренным.

Или, может быть, сегодня он вышел ради...

Но тогда управляющий должен был бы сказать мне, чтобы я его не ждал.

За эти два месяца способность прежнего главы семьи Гу распознавать людей, похоже, полностью ушла вместе с Гу Вэньбином, погребенным в земле. Шестьдесят дней прошли, а я до сих пор почти ничего не знаю о Жун Шицине, возможно, даже меньше, чем его подчиненные в компании.

Я решил больше не ждать. Пустой желудок уже начал протестовать, и, подгоняемый голодом, я вышел из комнаты, сказав управляющему, что хочу поесть.

Управляющий семьи Жун был молчаливым, но исполнительным человеком, и вскоре ужин был подан передо мной.

Дверь внезапно открылась, и я тут же поднял голову.

Дядя Люй вошел, держа в руках картонную коробку, его пиджак был наброшен на плечи, а на руке была повязка.

— Ты уже поел?

Он поставил пакет на пол и покачал головой.

— Добавь еще прибор.

Как только дядя Люй сел за стол, перед ним уже лежали столовые приборы. Он смотрел на них, слегка задумавшись, когда дверь снова открылась.

На этот раз это наконец был Жун Шицин, пропавший на весь день.

Он был одет в ту же одежду, что и утром, его выражение лица было спокойным, как всегда, холодным и строгим. Но в руке он также держал пакет.

Я с недоумением взглянул на дядя Люя, но тот, посмотрев на Жун Шицину, спокойно взял приборы и начал есть.

Жун Шицин вымыл руки, прежде чем сесть за стол, и, глядя на меня, спросил:

— Ты все это время ждал меня?

Я кивнул.

Жун Шицин взял приборы.

— В будущем не заставлю тебя ждать так долго.

Его слова звучали довольно странно. С оттенком извинения, словно это было обещание. В прошлый раз, когда я заставил его ждать, он тоже чувствовал вину, но точно не дал бы такого обещания. Хотя мне было любопытно, я не стал спрашивать, куда он ходил, и лишь нахмурился, кивнув.

— Завтра тебе не нужно идти в компанию, — вдруг сказал Жун Шицин.

Я замер с ложкой супа во рту, удивленно подняв на него взгляд.

— Завтра приедет Снод, покажет тебе костюмы, и ты выберешь один для послезавтрашнего дня, — продолжил он.

Только тогда я выдохнул с облегчением, проглотил суп, прочистил горло и спросил:

— Какой костюм?

Дядя Люй, опустив приборы, посмотрел на меня и вдруг нахмурился.

— Костюм для твоего дня рождения послезавтра.

Я сжал ложку в руке, едва не продолжив расспросы. Взгляд дядя Люя, полный скрытого смысла, вовремя остановил меня.

Это, несомненно, была самая большая шутка и упущение за все время моего «актерства».

Я положил ложку, взял в рот немного риса, крепко держа приборы, и спокойно ответил:

— Хорошо.

Так что вся суэта в семье Жун в последнее время была связана с днем рождения младшего господина Жуна послезавтра? Тогда исчезновение Жун Шицина на весь день, включая пакеты, которые он и дядя Люй принесли в дом, — все это были подарки для меня?

Мне стало любопытно, и я почувствовал легкое возбуждение.

Подарки, которые получал Гу Вэньбин на день рождения, были самыми разнообразными: от пуль и пистолетов до гранат и ракет — все это определялось традициями семьи Гу. Негласное правило семьи гласило, что на день рождения главы семьи дарили только вещи, связанные с оружейным бизнесом, и ничего больше.

У Гу Вэньбина в подвале главного дома был специальный зал, где были выставлены все виды оружия, которые он получал на день рождения с тех пор, как попал в семью Гу. За двадцать лет этого накопилось достаточно, чтобы устроить частную выставку оружия.

Какие же подарки получит младший господин Жуна? Для меня это было впервые в жизни. В Англии Гу Вэньбин также получал обычные подарки, такие как хрустальные шары, кроссовки,

часы и так далее, но это было уже двадцать лет назад, и сейчас я почти ничего не помню.

Будучи всего лишь четырнадцатилетним ребенком, быть любопытным к своим подаркам — это нормально, не так ли?

Я положил приборы, собрал свои эмоции, контролируя мышцы лица, чтобы не проявлять слишком много чувств, и спросил Жун Шицина:

— Отец, могу ли я посмотреть на подарок, который вы мне приготовили?

Жун Шицин, опустив голову, ел, но, услышав мой вопрос, поднял взгляд, на мгновение замер, а затем посмотрел на меня. На его обычно бесстрастном лице вдруг появилась легкая улыбка.

Я чуть не подумал, что он согласится.

— Нет, — сказал он.

Меня разбудили ровно в восемь тридцать утра.

В девять я привел себя в порядок и спустился вниз позавтракать, а в девять тридцать Жун Гуаньшань привез Снода.

Не имея доступа к воспоминаниям прежнего владельца этого тела, я никогда раньше не видел этого молодого дизайнера одежды. Мой взгляд, полный исследования и любопытства, следил за ним, пока он не подошел ко мне.

— О, господин Жун, не смотрите на меня так, — сказал он, поднимая руку с одеждой и размахивая ею. Его британский акцент был безупречным.

Я предположил, что Жун Шицин привез его из Англии. Ему было, вероятно, около двадцати шести или двадцати семи лет, с золотистыми волосами, аккуратно уложенными на пробор. Типичный высокий нос и глубоко посаженные глаза.

Его голубые, как озеро, глаза смотрели на меня, когда он вдруг поднял руку ко лбу, его густые брови с высокими дугами сдвинулись, образуя морщину на переносице, и он с сожалением сказал:

— Господин Жун, не смотрите на меня так, серьезно, ваш взгляд заставляет меня нервничать.

Он замолчал, размахнувшись рукой.

— Я тоже не знаю, почему сэръ вдруг решил, что вам нужно выбрать новый костюм, хотя предыдущий вам так нравился...

— Выбрать заново? — повторил я.

— Да.

Он передал всю одежду, которую держал, слуге, стоящему рядом, отодвинул стул рядом со мной и уселся на него.

— Я встречался с Дженни, как вдруг сэръ позвонил мне и вызвал в Китай!

Его голос внезапно стал громче, и он с негодованием жаловался:

— Я действительно не понимаю, что случилось с тем костюмом? Сэр не сказал мне, в чем проблема, просто велел привезти все костюмы снова! Разве нельзя было просто отправить вам фотографии для выбора? Зачем так мучить меня?! Как сэр может...

— Что за шум ранним утром, — внезапно появился Жун Шицин из-за угла коридора.

Он был одет в легкую и свободную одежду, на лбу слегка выступил пот, словно он только что вернулся с утренней пробежки.

Голос Снода мгновенно стих, он надулся, как ребенок, подпер подбородок рукой и замолчал, даже не взглянув на Жун Шицина.

Прямо как кот, увидевший мышь, — злится, но не смеет сказать.

Я с удивлением посмотрел то на Жун Шицина, то на Снода.

— Позавтракайте, а потом выберете костюм, — сказал Жун Шицин, поднимаясь по лестнице.

Я заметил, что его тонкая рубашка сзади слегка промокла от пота.

Я смотрел, как его фигура исчезает из виду, затем повернулся к хмурому Сноду:

— Ты же понимаешь по-китайски.

Жун Шицин говорил на китайском.

Снод в ответ закатил глаза:

— У нас все-таки есть немного родства, мы одной фамилии, как я могу не понимать китайский, разве ты не знаешь?

В конце его голос был полон удивления.

Я безразлично посмотрел на него:

— Не придирайся, я просто забыл.

Снод широко раскрыл свои голубые глаза, затем снова закатил их, поднял руку ко лбу и сказал:

— Господин Жун, я всего лишь уехал в Америку на пять лет, а ты уже забыл все наши прекрасные воспоминания?

Еще один человек, хорошо знакомый с прежним владельцем тела. Чем больше таких людей вокруг, тем сложнее мне делать то, что я хочу. Придется действовать медленно, постепенно «меняться», чтобы все поверили, что младший господин Жуна просто вырос не таким, каким они ожидали.